

Такім чынам, можна растлумачыць памылковыя дэфініцыі іншых слоў: *лапа*, напрыклад, тлумачыцца як ‘удар па руцэ’, маецца на ўвазе фразеалагізм *даць у лапу* [с. 246].

Між іншым, такія агрэхі ёсць і ў “Слоўніку беларускай мовы” (1870) І.І.Насовіча. Прычына – адна для ўсіх: нестала ў нашым мовазнаўстве фразеалагічнай тэорыі. Цяперашні стан здавальняе навуковую грамадскасць, хаця і ў сучасных лексікаграфічных працах можна выявіць некаторыя адзначаныя памылкі.

Літаратура

1. Аксамітаў, А.С. Беларуская фразеалогія / А.С. Аксамітаў. – Мінск, 1978.
2. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология / В.М. Мокиенко. – М., 1989.

Трофимович Т.Г. (Мінск, БГПУ)

К ПРОБЛЕМЕ ОБЩЕЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ СТАРОБЕЛОРУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Среди актуальных проблем современного языкознания свое место занимает историческая фразеология. Она вызывает постоянный и устойчивый интерес исследователей, вызванный стремлением установить закономерности возникновения и развития фразеологических составов языков.

Белорусская историческая фразеология к настоящему времени достигла значительных успехов. Ее существенные достижения связаны прежде всего с именами Ф.М.Янковского, А.С.Аксамитова и И.Я.Лепешева. Их работы внесли существенный вклад в становление и развитие исторической фразеологии, стали лингвистической классикой. Известно, что под руководством профессора Ф.М.Янковского были выполнены диссертационные работы, оставившие заметный след в историческом языкознании. Это исследования В.К.Мороз “Фразеология белорусских летописей” (1986), Ф.И.Томашевича “Фразеология белорусского языка XVI – XVII вв.” (1985), Н.Н. Олехновича “Фразеология белорусского языка XIX – нач. XX вв.” (1983), В.И. Нестеровича “Фразеологизмы в белорусских текстах, писанных арабским письмом” (1983).

Традиции фразеологических исследований в Беларуси достойно продолжены работами В.И.Коваля “Фразеология народной духовной

культуры в деривационно-семантическом аспекте” (1999) и Н.А.Даниловича “Беларуская дыялектная фразеалогія (тыпалогія, лексічны склад)” (2004). К несомненным достижениям белорусской фразеологической науки следует отнести создание И.Я.Лепешевым “Фразеалагічнага слоўніка беларускай мовы” и “Этымалагічнага слоўніка беларускай фразеалогіі”.

Перечисленные достижения пока еще не привели к концептуальным выводам обобщающего характера применительно к тому или иному периоду развития белорусской фразеологии прошлых эпох, а также применительно к тому или иному типу памятников письменности. Между тем, именно выводы обобщающего характера становятся принадлежностью фундаментального знания и служат основой дальнейшего развития научных направлений.

Позволим себе предложить несколько обобщающих выводов в отношении старобелорусской фразеологии. Получены они в рамках сравнительно-сопоставительного исследования старорусской и старобелорусской правовой фразеологии, предпринятого автором этих строк.

В настоящее время не нуждается в доказательстве тот факт, что в старобелорусский период белорусский язык нашел отражение в большом, если не сказать огромном, количестве памятников письменности, среди которых велика доля деловых. Все эти памятники послужили источниками для подготовки картотеки исторического словаря белорусского языка, тридцать томов которого к настоящему времени вышли. “Гістарычны слоўнік беларускай мовы” в большом объеме фиксирует фразеологическое богатство старобелорусского языка. Рамки настоящей публикации не позволяют приводить большого количества примеров, поэтому ограничимся единичными. Так, например, в словарной статье **право** зафиксировано более сорока фразеологических единиц: *по праву, право божее, право военное, право городское, право замковое, вести право, горячее право, доводити правомъ, правомъ доходити, право близкості, право неотзовное, право прирожное* и т.д. [ГСБМ, т. 27, с. 454 – 460]. Таких статей в словаре немало.

Следует отметить, что подобная полнота отражения фразеологического материала особенно характерна для последних томов словаря. Это, на наш взгляд, служит свидетельством того, что к проблеме

установления фразеологического состава и его лексикографической фиксации авторы словаря подходят с более современных позиций, считая широкое понимание фразеологии особенно уместным в историко-лингвистических исследованиях. Для примера приведем данные словарной статьи со словом **богъ**, помещенной во втором томе словаря. Старобелорусский фразеологический материал с компонентом *богъ* представлен следующими единицами: *богъ взяль (обраль)*, *богъ – 110*], картотека же содержит и такие единицы, как *Панъ Богъ*, *Господь Богъ*, *Богъ праведный*, *Богъ вшехмогущый*, *Богъ вышний*, *Богъ милостивый*, *Богъ милосердый*, *Богъ милый*, *Бог душу возьметъ*, *к Богу пойти*, *отдати Богу душу*, *отдати духа Богу*, *поможи Бог*, *Бог с сего света забереть*, *Бог душу возьметъ*, *пойти к Богу*, *отдати душу Богу* и др. [картотека ГСБМ].

Таким образом, **первый вывод** в отношении старобелорусской фразеологии выглядит так: старобелорусский язык располагал развитой системой фразеологических средств.

Общеизвестно, что старобелорусский язык как самостоятельный восточнославянский язык имеет в качестве своего источника язык древнерусский (общевосточнославянский). Это означает, что старобелорусская фразеология должна унаследовать часть древнерусской фразеологии, ставшей ее основой. Проведенное сопоставление составов древнерусских и старобелорусских фразеологических единиц показало, что доля унаследованной древнерусской фразеологии крайне невелика.

Так, к примеру, в древнерусском языке отмечено довольно большое количество фразеологических единиц с компонентом *глава / голова*: *възнести главоу*, *не имети кѣде главы подѣклонити*, *обратитися на главоу*, *поклонити главоу*, *постричи главоу*, *глава ляжетъ*, *главоу / голову положити (съкладати, съложити)*, *на свою главоу / голову, съклонити голову*, *головою клепати*, *головою повалити*, *головою своею, сидети надъ головою* [СДЯ, т. 2, с. 321, 348], *головою выдати*, *своею головою, на голову побити* [Срезн., т. 1, с. 543].

Обратимся к старобелорусскому языку. Рассматриваемый опорный компонент употреблялся там в виде *голова*, *глава*, *глова*, *кглова*. В старобелорусский период продолжают функционировать древнерусские фразеологизмы *не мети где главу приклонити*, *на главу свою, голову сложити (положити)* [ГСБМ, т. 6, с. 284, т. 7, с. 34]. Старобелорусские

новообразования многочисленны: *вложити (вложити) корону на голову 'короновать', кивати головою 'делать знак', головою муру не пробить 'невозможно достичь чего-либо', выпустити з головы 'забыть', белая голова 'женичина', взяти голову 'покарать смертью'* [ГСБМ, т.7, с. 34 - 36]. Эта закономерность прослеживается и при анализе других групп фразеологизмов.

Второй вывод в отношении общей характеристики старобелорусской фразеологии состоит в том, что древнерусское наследие представлено в ней в незначительном виде; древнерусские по происхождению фразеологизмы в старобелорусском языке немногочисленны, основу старобелорусской фразеологии составляют новообразования.

Предпринятое в рамках обозначенного исследования сравнение старобелорусского материала со старорусским позволяет сделать еще один важный вывод: старобелорусская фразеология по своему составу существенно отличается от старорусской. Покажем это на нескольких примерах.

В старорусском языке функционирует древнерусский фразеологизм *домъ божши 'храм, церковь'*, а также новообразования *своимъ домоъ жити 'иметь свое хозяйство, средства к существованию', домоъ стоялый 'постоялый двор', домоъ шинковый 'питейное заведение', убогий домоъ 'сарай для захоронения'* [СлРЯ, т. 4, с. 306 – 307]. Красноречивыми оказываются данные старобелорусского языка. Из древнерусского источника наследуются только единицы *домъ божши, домоъ господний*. Довольно многочисленны новообразования: *домомъ осадити 'поселить', домомъ седети, домомъ мешкати 'иметь усадьбу, место жительства', домомъ седячий 'имеющий усадьбу', домомъ селитися 'строиться, селиться', домоъ мытный (гостиный, радный и др.) – названия специальных учреждений, домоъ женский 'гарем', домоъ нечистый 'публичный домоъ'* [ГСБМ, т.8, с. 288 – 289].

В старорусском языке продолжают функционировать только две древнерусские единицы с компонентом *прияти*: *прияти въ (на) оумъ (оуме), прияти мысль (помысль, съмысль)*. Собственно старорусские новообразования тоже немногочисленны: *прияти дерзновение, прияти конецъ, прияти чей-либо образъ 'превратиться в кого-либо', прияти чашу спасения 'причаститься'* [СлРЯ, т. 20, с. 88 – 89]. В старобелорусском языке зафиксировано четыре фразеологических единицы с компонентом *прияти*: *прияти крещение, прияти мнишески*

чинъ, *приятн постъ, приятн смертъ* [ГСБМ, т. 29, с. 95 – 96]. Их все можно считать новообразованиями, общего фонда со старорусским языком нет.

Рассмотрим группу фразеологизмов с компонентом *бити*. Древнерусский материал довольно обширен: *бити (въ) въздохъ 'о бесполезной трате усилий'*, *бити челъмъ 'кланяться, просить, обращаться с жалобой'*, *чело бити 'обращаться с просьбой'*, *бити кони 'стегать, погонять коней'*, *бити въ пьрси своя, по пьрсемъ 'проявлять горе'*, *бити въ лице (свое) 'проявлять горе'*, *языкъмъ бити 'ругать, поносить'* [СДЯ, т. 1, с. 163 – 164], *бити гусли 'играть на гусях'*, *бити челомъ въ службу 'просить о принятии на службу, в вассальскую зависимость'* [СлРЯ, т. 1, с. 188].

В старорусском языке фразеологизмов с компонентом *бить* тоже много, и снова это новообразования: *бити падучю болезнию, бити на правеже 'чинить расправу'*, *бити езь 'делать сооружение для рыбной ловли'*, *бити печь 'делать глинобитную печь'*, *бити сакму (сокму) 'прокладывать дорогу'*, *бити по рукамъ 'договариваться'* [СлРЯ, т. 1, с. 187 – 188], *бить батогн, бить кнustomъ на козле, бить кнustomъ въ проводку, бить плетми, бить въ шею, бить большимъ боемъ, бить борть, бить воскъ, бить насмерть, бить большимъ немернымъ смертнымъ правежем* [СОРЯ, т. 1, с. 162 – 164]. Продолжают функционировать лишь древнерусские *бити на правеже, бити челомъ*. Старобелорусскому языку были известны следующие фразеологизмы с компонентом *бити, бить*: *бити груди (перси), бити езы, бити въ очи, бити чоломъ* [ГСБМ, т. 2, с. 12 – 14]. Общий фонд незначителен.

Таким образом, есть все основания в качестве **третьего вывода** считать, что старобелорусская фразеологии по сравнению со старорусской исключительно своеобразна. Старорусский и старобелорусский языки обладали незначительным в количественном отношении фразеологическим общим фондом.

Сделанные нами выводы могут быть конкретизированы, уточнены, однако к общей характеристике старобелорусской фразеологии они относятся самым непосредственным образом.

Условные обозначения

ГСБМ – Гістарычны слоўнік беларускай мовы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1982 – 2010. – Вып. 1 – 30; СДЯ – Словарь древнерусского языка: XI – XIV вв. /

под ред. Р.И.Аванесова. – М.: Наука, 1988 – 1992. – Т. 1 – 4; **СЛРЯ** – Словарь русского языка XI – XVII вв. / гл. ред. Г.А.Богатова. – М.: Наука, 1975 – 2007. – Вып. 1 – 26.; **Срезн.** – Срезневский, И.И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. / И.И.Срезневский. – М.: Книга, 1989. – Т. 1 – 3; **СОРЯ** – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII вв. – СПб., 2004 – 2007. – Т. 1 – 2.

Фацеева С.І. (Мінск, БДПУ)

ЛІНГВАКУЛЬТУРАЛАГІЧНЫ ЗМЕСТ БЕЛАРУСКІХ ПРЫКАЗАК І ПРЫМАВАК

Прыказкі і прымаўкі пастаянна спадарожнічалі гісторыі развіцця грамадства і ўвабралі ў сябе ўсё тое, што набыта з жыццёвым вопытам людзей. У іх выказваюцца думкі аб розных з’явах прыроды і быцця. Народ паступова выпрацоўваў свае нормы сапраўднай прыгажосці, сваё разуменне прыгожага ў чалавеку і ў жыцці, ў этычным і эстэтычным плане. Немагчыма сабе ўявіць тую або іншую народную прыказку, якая не адлюстроўвала б штодзённых клопатаў, звязаных з працай, сямейным і грамадскім бытам. Прыказкі і прымаўкі абнаўляюцца за кошт таго, што і зараз людзі імкнуцца папоўніць “залаты фонд” шляхам адлюстравання грамадскіх з’яў і надзённых патрэб.

Лінгвакультуралагічны змест беларускіх прыказак і прымавак надзвычай выразна высвечваецца пры дастасаванні іх (сітуацыйным, кантэкстуальным, часавым) да агульнай гісторыі народа, яго духоўнай культуры. У кантэксце часу і культуры такія адзінкі заўсёды ўспрымаюцца і ўсведамляюцца як своеасаблівыя апазнавальныя этнічныя знакі. У беларускіх прыказках і прымаўках можна выдзеліць нацыянальна-культурныя кампаненты (лакатывы і субстантывы), якія непасрэна звязаны народнай духоўнай культурай, традыцыямі і звычаямі.

Лакатывы ў беларускіх прыказках і прымаўках прадстаўлены наступнымі лексемамі: *хата, гаспадарка, гумно, парог, печ, плот, двор, хлёў, стол, сцяна, лаўка* і іншыя. Хата ў старажытных уяўленнях беларусаў выступала як невялікая абжытая частка вялікага неабжытага сусвету і адначасова як паменшаная мадэль сусвету. Прыказкі бытавога характару яскрава раскрываюць патрэбы і вечныя клопаты селяніна. Часта ў прыказках хату параўноўваюць з маці: *Свая хата – як родная матка* (Янкоўскі, с. 110). У большасці прыказках акцэнт зроблены